

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу
- **Сериал «Авантюристка»**
- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вождения №1
- Оскар за убийственную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков
- Звонок с неизвестного номера
- **Сериал «Спецкор отдела расследований»**
- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды
Сериал «Агент секретной службы»
Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы
Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»
Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах
Она исчезла
Ветер из рая
Сериал «Сага о любви и смерти»
Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда
Сериал «Высокие страсти»
Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым
Сборники детективных рассказов:
Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Ледяное
сердце не болит

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Ледяное сердце не болит : роман / Анна
и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-207705-0

Надя очнулась в наглухо запертом подвале. Из-за
стены слышались женские крики. Девушка едва
не потеряла сознание от ужаса: неужели ее похитил
маньяк, и она — следующая жертва?.. Журналист
Дима Полуянов сходил с ума от беспокойства: поче-
му его невесты нет на работе и ни один ее телефон
не отвечает? Тем более что накануне он получил в
редакции пакет с отрубленным женским пальцем и
фото Нади с выжженными глазами. Но кто и за что
мстит ей?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В.,
Литвинов С.В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-207705-0

Глава 1

Люблю — и любима.

Люблю. И любима.

Надя пробовала два этих слова на вкус, и оба казались ей восхитительными.

А еще стояла потрясающая зимняя погода: яркое-яркое солнце, и мороз двадцать пять градусов, и снег аж звенел под ногами. Подружки и коллеги ныли, что холодно, — но насколько же лед и солнце лучше, чем вечный ноль с серой жижей под ногами, с фонтанами грязных брызг из-под колес чумазных авто! А ведь совсем недавно, в декабре, казалось, что слякоть будет длиться бесконечно, и Дима шутил, что в связи с глобальным потеплением выражение «мороз и солнце — день чудесный» аннулируется и его теперь будут помещать в словарях с пометкой *устаревшее*...

А когда начались морозы — все изменилось. И даже москвичи как-то добрее друг к другу стали. Или это Наде только казалось, оттого что она была влюблена? Машины — невиданное дело! — пропускали на «зебрах» закутанных пешеходов. Автомобилисты давали друг другу «прикурить» от аккумуляторов и таскали товарищей, что не завелись, на буксирах. И не брали за помощь денег.

В метро позволяли греться бомжам и бродячим собакам. И несмотря на обычную толчею, лица у многих пассажиров подземки стали такими просветленными, словно они только что с зарубежных курортов верну-

лись. Народ в подземке стал куда вежливей, и кое-кто даже улыбаться незнакомым начал. И шутить.

Нет, думала Надя, минус двадцать пять с солнцем — гораздо больший кайф, чем серое не пойми что около нуля. И сил откуда-то появилось столько, что до этой зимы Наде такое и не снилось. Раньше целые вечера порой проводила, лежа на диване с книжкой и сушками, свернувшись калачиком, и даже сходить на кухню, чаю налить, было лень. А по утрам она еле-еле просыпалась от будильника, потом ползала, собиралась, словно сонная муха, по пять минут раздумывала перед зеркалом: краситься ей или дать коже денек отдохнуть?

Совсем не то сейчас. Вот и сегодня проснулась Надя затемно, сама, без всякого будильного трезвона и полная бодрости. Нацепила на Родиона собственноручно сшитую шлейку, по морозному утру выгуляла его, в магазине парного мяса купила. И настроение такое хорошее, а силы как будто изнутри распирают! Потом вернулась домой и — вот уж чего от себя никак не ожидала! — стала жарить мясо с картошечкой: самую обыкновенную, но любимую Димину еду. Чтобы вечером, когда он приедет, на готовку не отвлекаться, а просто подогреть жарено в микроволновке и выставить на стол вместе с Диминым же любимым красным сухим вином. И самой наслаждаться сытной едой и терпким вином и с удовольствием смотреть, как гражданский муж уминает за обе щеки, и нахваливает, и добавки просит.

А потом Надя — до выхода на работу! — успела еще интенсивную зарядку сделать. Лет семь все собиралась взяться за гимнастику, да не могла себя заставить, а теперь все будто само собой получилось, и без всяких с ее стороны усилий. Результат не замедлил сказаться: она с Нового года на три килограмма похудела! И никак нельзя утверждать, что она делала это ради Димы —

хотя, наверное, ему гораздо приятнее обнимать сильное и мускулистое тело, чем вялое и бесформенное. Главное: Надя после зарядки чувствовала себя собранной, упругой, веселой, звонкой — словно заснеженный московский асфальт на лютom морозе.

Вот и получилось, что к девяти утра, когда на работу пора выходить, Надежда столько дел переделала, сколько раньше и за неделю не успевала. А когда в библиотеку она приедет — тут и Димка должен позвонить: прямо с вокзала. Целых четыре дня она его не видела — будь неладны эти его командировки! — и теперь Надя чувствовала, как соскучилась, и предвкушала встречу, и даже немного робела, словно перед самым первым свиданием. Неужели они сегодня вечером опять будут вместе? И ночью тоже? Надя не могла поверить в свое счастье — а тут еще снег блистает на солнце, и даже асфальтовая дорога, вся в инее, тоже сверкает — и машин на ней, грязно-серых, мало-мало. И сосед, с которым они столкнулись в парадном, ей улыбнулся...

И кажется, словно и сосед, и снег, и дорога, и солнце повторяют, подхватывают Надино искристое настроение: влюблена и любима!.. Любима и влюблена!..

* * *

Если бить — то в самое больное место.

Жизнь, похоже, подходит к своему логическому концу.

Но осталось еще выполнить свою Миссию. Оплатить счета.

Платить по этим счетам ИМ придется не деньгами. Не услугами. И даже не унижением.

Они за все заплатят иначе. Внезапностью наказания, страхом и болью.

Самым большим страхом и самой мучительной болью из всех, какие только может испытывать человек.

Дима в Питере нарочно взял билет на самый поздний поезд.

Он был «сова» и терпеть не мог рано вставать и рано ложиться. В скором поезде, когда храпят попутчики, — тем более. К тому же на вечер он достал билет на спектакль у Додина. Потом он не спеша пешком отправится с улицы Рубинштейна на Московский вокзал.

Утром Полуянов в своем номере принял душ. Неторопливо позавтракал в ресторации. Из гостиницы выписался — походная сумка была нетяжела: три пары носков, футболки да детектив в мягкой обложке.

Дима привык все командировочные дела проворачивать в самые первые дни. Последний день в любой поездке старался оставлять свободным и посвящать его культурной программе и прогулкам по городу. А если этот город Питер — тем более. Питер — самый, считал журналист, красивый и своеобразный город планеты, чудное, странное место, малая родина.

Но сей февральский денек к прогулкам по Северной Пальмире явно не располагал. Нева практически вся замерзла. Закутанные в шарфы и шапки люди брели по льду реки от Петропавловки к Стрелке.

Снежные бурунчики завивались по Дворцовой, вихрились вокруг Александрийского столпа. И хоть термометр в арке Генерального штаба показывал всего-то минус пятнадцать, с Невы дул такой свирепый промозглый ветер, что казалось, вот-вот выжжет глаза и спалит щеки. На улице находиться было совершенно невозможно. Хорошо еще, что Надюшка заставила его надеть теплый шарф и лыжную шапочку (никаких кепок, шляп и шапок Полуянов категорически не признавал). Но тут без них решительно было не обойтись.

И все равно пришлось передвигаться короткими перебежками. Он выскочил на Невский и тут же зарулил

в кафе «Литературное», где пил последний в своей жизни шоколад Александр Сергеевич. Здесь за белыми скатертями сидела подмороженная парочка иностранцев. Официанты говорили на трех языках (на всех, включая русский, одинаково плохо). Дима заказал кофе и принялся просматривать свои блокноты: если он вдруг в ходе командировки что-то упустил и с кем-то не встретился, еще не поздно это поправить. Нет, кажется, все в порядке. Охвачены учителя, дети, родители, районы, прокуратура и даже профессор из педагогического. Товара на статью хватает.

Журналист расплатился за кофе (редкой поганости!) и снова вышел на Невский.

И опять ледяная промозглость, ветер со всех сторон, хочется в тепло. Бегом-бегом Полуянов донесся до ДЛТ¹. Здесь он погулял меж прилавками, согрелся и купил Надежде чашку с типично питерским узором: синяя ажурная решетка местного фарфорового завода. Коллеге Кире с работы приобрел шоколадного «Оскара» (бедная девчушка всерьез мечтает о карьере в кино). Секретарше главного Марине Максимовне купил шоколадного ежика.

Затем еще перебежка под ледяным ветром — и он уже в «Севере», в царстве кофейно-кондитерского духа. Здесь он не смог удержаться и снова выпил кофе в бумажном стаканчике и съел пирожное буше. Нигде — ни в знаменитейшем кафе «Флориан» в Венеции, ни в кондитерской «Демель» в Вене — не подавали (во всяком случае, по мнению Полуянова) таких вкусных сладостей, как в Питере. В «Севере», когда он скромно стоял у столика, рядом с другими приезжими и аккуратно лакомившимися питерцами, в голову ему пришла центральная тема будущей статьи. Затем снова короткий бросок по Невскому — шарф наверчен по самые глаза, закры-

¹ ДЛТ — Дом ленинградской торговли; универмаг.

вает рот и нос. Но колючий ветер холодил руки, ноги — и ничего не оставалось делать, как забежать в «Сладко-ежку» близ Елисеевского...

...К концу дня от кофейно-пирожной диеты во рту у Димы образовался сладкий привкус. Даже спектакль у Додина — как всегда, смотрящийся на одном дыхании, и как всегда — трагический (если не сказать тоскливый) — не смог его перебить. Срочно захотелось пива и чего-нибудь соленького — это желание Полуянов, выйдя из театра, немедленно осуществил в заведении «У тещи на блинах» у Пяти углов. А потом уже побрел мимо Владимирского собора, Кузнечного рынка в сторону Московского вокзала. Ночной влажный ледяной ветер дул, казалось, из каждой подворотни и проникал в мельчайшие щели сквозь одежду. Редкие встречные шли по пустынному переулку, закутанные шарфами до глаз — не до красоты сейчас, не до стиля. И даже продавцы цветов, бомжи и попрошайки, в любую погоду тусующиеся у Кузнечного рынка, куда-то попрятались.

Дима настолько увлекся сражением с хладным ветром, что даже миновал, не обратив внимания, ту самую подворотню, через которую они с Надеждой убегали от бандитов — а вслед им неслись автоматные очереди¹. И ведь хотел же остановиться, вспомнить. Подумать только, как давно это было! А теперь они с Надькой живут гражданским браком, почти как муж и жена. И Дима ни на секунду не сомневался: стоит ему заикнуться о том, что надо-де «оформить отношения» — Надя немедленно согласится. А может, и в самом деле жениться? Вон он без нее всего четыре дня, а уже скучает. Тянет его к милой Надюшке. Хочется ее увидеть, обнять...

¹ Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

Но жениться — это ведь полный и бесповоротный конец молодости, необязательности, свободе...

Дима настолько промерз, бредя по переулку в сторону Лиговки, что не стал даже заходить (как собирался) во двор, где они когда-то жили с мамой. Не глянул — в очередной раз! — на бывшие свои окна, за которыми обретались теперь совсем другие люди. Они хоронились за стеклопакетами и чужими шторами и не подозревали, сколько разнообразных детских воспоминаний хранит для Димы их просторная квартира с высоченными потолками...

Последний рывок — Полуянов перебежал Лиговский проспект и устремился к боковому входу в Московский вокзал.

Слава богу, поезд уже подали, и в вагоне оказалось тепло.

Не дожидаясь попутчиков, Дима разделся до спортивного костюма и забрался на вторую полку под одеяло. С собой прихватил блокнот — милое дело после командировки, уже в купе, просмотреть записи, сделанные в поездке. И составить план статьи, которую он уже завтра будет писать.

... План был вчерне готов в половине третьего ночи. Дима отложил блокнот на сетчатую полочку, потушил ночник и повернулся лицом к стенке.

Он понятия не имел, что даже в сей поздний час о нем думают два человека.

Первой была засидевшаяся в ночь за книжкой Надя. Однако любовь, теплота и радость, с которыми она вспоминала Диму, с лихвой компенсировались и даже перекрывались той злобой и ненавистью, с какими думал о нем совсем другой человек...

... На следующее утро столичные минус двадцать пять и сухое безветрие показались курортом по сравнению со вчерашней питерской влажно-ветреной погодкой. Дима бодро шагал по московскому перрону. Настроение было

прекрасным. Во-первых, он выспался. Во-вторых, статья была практически готова — осталось сесть написать. В-третьих, мельком очаровав проводницу, удалось разжиться хорошим кофе.

Прямо с перрона он позвонил по мобильному Надежде. Черт, ведь и вправду соскучился по ней.

— Я приехал, — доложил Полуянов.

— Я рада.

Какое-то кокетство в Надькином голосе появилось, эротизм, чего раньше в жизни не было. С таким придыханием она произнесла это короткое «я рада», что внутри у него прямо все зашевелилось, забурлило.

— Я хочу тебя видеть. Прямо сейчас.

— Ничего не выйдет. Я на работе.

— Сбежать! Взять отгул! Уволиться!

— Не могу. У нас сегодня совещание у директора.

Меня пригласили.

— Вот как? А я тебе хотел одну вещь сказать...

— Скажи.

— По телефону не стану. Такие вещи по телефону не говорят.

— Ну, вечером скажешь.

— Если я доживу до вечера.

— Тьфу, дурачок, типун тебе на язык!

— Ладно, тогда я тоже поеду на работу.

— Дим, знаешь, что...

— Что?

— Я очень жду вечера.

— А я — еще больше.

В метро уже миновал первый утренний час пик. Полуянов решил сразу ехать в редакцию. Всего пять остановок, одна пересадка. А в голове статья уже сложилась. Можно без промедления запереться в своем кабинетике и отписаться. А потом сдать статью в секретариат — и гуляй. Он поедет к Надюшке, она сегодня в первую

смену, и они скоро увидятся. От этой мысли потеплело на душе.

На входе в редакционный корпус Дима за руку поздоровался с пожилым охранником.

— Что-то тебя, Дима, давно видно не было.

Называть на «ты» звезд отечественной журналистики было одной из привилегий редакционных стражей — своего рода компенсацией за их монотонный труд.

— Из командировки только приехал.

— А-а! Где был? В Лондоне или в Караганде?

— В Питере.

— Ну, и как тебе Питер? Бока повытер?

— Дремлет притихший северный город, — цитатой из песни ответил Полуянов, — низкое небо над головой.

А как тут у вас?

— Тебе вчера рукопись принесли.

Дима скривился, словно двести граммов спирта хватил без закуски.

— Кто принес?

— Не представился.

— Мужик?

— А ты хотел длинноногую дивчину?

— Хотел.

— Зря хотел.

— А вы уверены, что рукопись именно мне, а не, скажем, Сереге Ветрову? Или — в отдел писем?

— Не, мужик просил конкретно тебе передать. Да вот тут и на конверте надпись: «Дмитрию Полуянову, лично в руки».

Из недр своей конторки охранник достал широкий, к тому же и толстый конверт из крафт-бумаги. Наклеенная на пакет аккуратная бумажка с отпечатанными на принтере буквами гласила, что послание и в самом деле адресовано Полуянову. Ни обратного адреса, ни подписи, ни фамилии отправителя на конверте не значилось. Дима снова сморщился:

— Вот графоманы неугомонные! — Взвесил послание в руке. — Да тут «Сага о Форсайтах», не иначе.

— Круче бери, — подыграл охранник. — «Война и мир».

— Ладно, прогляжу на досуге. Счастливого дежурства.

Полуянов пожал охраннику руку и пошел к лифтам. Он испытывал сильнейшее искушение сунуть конверт, не вскрывая, в ближайшую урну — однако мешало уважительное отношение к письмам трудящихся, которое юному журналисту успели привить на излете советских времен. Да и конверт был столь объемист, что ни в какую корзину не влез бы.

Дима поднялся на шестой этаж, который занимала редакция родных «Молодежных вестей». Прошел по пустоватому коридору в свой кабинет. Руководители нынче были на летучке, а рядовые сотрудники только подруливали в контору. Сейчас главное для Полуянова было не дать себя увлечь редакционным пустозвонством, байками и текучкой, а сохранить утренний настрой на написание питерской статьи, уже выстроившейся и выкристаллизовавшейся.

И ни в коем случае, конечно, не читать никаких графоманских рукописей.

...К трем часам дня статья была готова. Конечно, отвлекаться Дмитрию все равно пришлось. Заходил ответственный секретарь, требовал немедленно сообщить название еще не дописанного произведения и его точный объем. Неутомимая общественница Евгения Семеновна из кадров собирала деньги на коляску для только что родившей Анюты Бессоновой. Малышка Кира получила в презент питерского шоколадного «Оскара», расцеловала Диму в губы и звала в буфет попить кофе (журналист проявил стойкость и отказался).

Позвонила по городскому Надя. Никто, после того как погибла мама, не радовался ему — и его возвращением, его приездам, его словам — столь же искренне, как Надя. И Полуянов очень ценил ее теплоту и ее свет.

Наконец он поставил точку. Вызвал на экран статистику: почти одиннадцать тысяч знаков. Как раз хватит на подвал.

— Сейчас надо сходить пообедать, — вслух сам себе сказал Дима, — потом придумать заголовок, сдать статью и вперед, домой. Точнее — к Надьке.

Окна его кабинета выходили на задний двор и типографию, откуда даже через двойные пластиковые рамы доносилось мерное гудение печатных машин. Но клочок двора все равно искрился снежными иглами под ледяным солнцем. Из труб вентиляции на крыше поднимались шапки пара.

Оставалось еще одно: разделаться с только что присланной рукописью, и Дима машинально, думая одновременно о названии статьи, морозе и Наде, ножницами вскрыл конверт. Ухватив двумя пальцами, вытащил из него содержимое. Что за чертовщина!

В письме оказались сложенные газетные листы формата А2. Газету Полуянов моментально узнал по верстке: не что иное, как его родные «Молодежные вести». Дима, в поисках хоть какого-нибудь внятного содержимого, отбросил первую газету, вторую, третью... А вот дальше... Когда он рассмотрел предмет, лежавший в специально вырезанном для него углублении на газетном листе, ему стало дурно.

Потому что в лужице черной крови, пропитавшей вокруг газетный лист, лежал обрубок человеческого пальца. Судя по маленьким размерам — то был мизинец. А аккуратный маникюр свидетельствовал, что мизинец когда-то принадлежал женщине.

* * *

Через три минуты Полуянов стоял внизу перед охранником:

— Скажите, а кто мне передал эту рукопись?

— Не знаю, Димуля, не я вчера дежурил. А что там, бомба?

- Почему бомба?
- На тебе лица нет.

Страшную находку журналист положил в сейф. Железный монстр застоялся в его кабинетике еще с советских времен (когда-то тут обретался секретарь партбюро редакции газеты, называвшейся в те времена «Комсомольскими вестями»). Дима аккуратно сложил в негосгораемый ящик все, что связано с диким посланием. Сначала — две газеты с лежащим внутри их обрубком пальца. Сверху — прочую макулатуру и, наконец, сам конверт. Его Дима брал за ребра: может, на нем сохранились отпечатки пальцев отправителя? Хотя по меньшей мере два человека — он сам и охранник — уже хватили конверт со всех сторон без всякой осторожности.

И вот теперь журналист выспрашивал у дежурного о происхождении посылки. Он пытался успокоиться, но, видать, это плохо ему удавалось: даже страж заметил, что на нем лица нет.

— Бомба? — Дима постарался быть развязным. — В каком-то смысле, в журналистском, — да, бомба. То есть сенсация. А кто вчера на вахте стоял? Или когда там пакет принесли?

— Вчера Матвеич дежурил. Так что ты у него выспрашивай.

— Вы уверены, что пакет принесли именно вчера? А не раньше?

— Вчера, Димуля, точно. Мне и Матвеич сегодня утром на пересменке сказал: вот, вечером Полуянову мужик какой-то рукопись притащил. Не забудь, типа, передать. Да что там, в пакете-то?

— Не могу сказать. Редакционная тайна. А то «Комсомолец» сенсацию упрет. А у вас телефончик Матвеича есть?

— Конечно.

— А где он живет, часом, не знаете?

— Кажется, где-то в Бескудникове. Да только ты его сейчас не застанешь. Он на рыбалку собирался.

— Что за люди ненормальные!.. Охота им яйца морозить!.. Ну давайте хоть телефон его. Позвоню ему вечером. Будем надеяться, что ваш Матвеич под лед не провалится. Как его полное имя-отчество?

В свой кабинет Дима поднялся, разжившись телефоном вчерашнего охранника: Иван Матвеевич Сахаров, 462-... Судя по первым цифрам номера, Иван Матвеевич действительно жил в Бескудникове. Значит, пока конверт с чудовищным грузом достиг Полуянова, он побывал в руках как минимум двух человек — двух редакционных черберов.

Дима набрал номер вчерашнего стража. Длинные гудки были Полуянову ответом. Видно, как и предсказывал его товарищ по работе, Матвеич в свой законный выходной пробавляется подледной рыбалкой. Вот ненормальный!.. Тогда журналист достал визитницу, перелистал ее и нашел телефон, к которому он еще ни разу не прибегал с тех пор, как они с Надеждой вели расследование по делу о смерти своих матерей¹. Набрал номер.

— Майор Савельев, — немедленно бодро откликнулась трубка.

Это было большой удачей. За пять лет, прошедшие с тех пор, как Полуянов встречался со старшим оперуполномоченным, тот мог оказаться где угодно: в другом округе, в отставке, в Чечне, на Лубянке... А Савельев — ура! — сидел по тому же самому телефону, да еще и в звании был повышен на одну ступень. Редкая удача, что Дима его нашел, да еще с ходу.

— Поздравляю вас, товарищ майор, с новой, большой звездочкой.

¹ Подробнее об этом можно прочитать в романе Анны и Сергея Литвиновых «Эксклюзивный грех», издательство «Эксмо».

- Кто говорит? — Голос опера звучал жестко.
- Корреспондент «Молодежных вестей» Дмитрий Полуянов. Помните такого?
- Тебя забудешь, — проворчал Савельев. Тон его стал чуть любезней.
- У меня к тебе, майор, дело есть: очень важное, срочное и конфиденциальное. Можем повидаться?
- У тебя что, горит?
- Очень горит.
- Тогда дуй ко мне прямо сейчас. Минут пятнадцать тебе хватит? А то в семнадцать ноль-ноль я убываю.
- Понял. Лечу к тебе, майор, мухой. Закажи пропуск.
- Савельев на другом конце провода усмехнулся:
- А у нас в УВД вход свободный. Вот выход — нет.

* * *

Полуянов понял, что дурака сваял, когда поехал с вокзала не домой, а прямо в редакцию. Отписаться ему, видишь ли, не терпелось. Сейчас «Королла» его стоит, замеченная, на платной стоянке у дома на Краснодарской улице — да и аккумулятор у нее наверняка сел от мороза. Зато в руках ему теперь приходится таскать командировочную сумку. И ехать к Савельеву в его Первое Северное УВД на метро надо восемь остановок с пересадкой. А в багаже рядом с грязными футболками и подарком Наде — коробочкой с питерской фарфоровой чашкой — страшный груз: завернутый в черный полиэтилен палец на газетной подложке. А если Диму по пути мент какой остановит? Попросит показать содержимое сумки? Вот и этот сержант на выходе из подземного перехода как-то подозрительно на него посмотрел... Ф-фу, отставить паранойю: сроду никакие мильтоны Полуянова не обыскивали, даже документы не просили предъявить. Сказывалась внешность, совсем не тянущая на «лицо кавказской националь-

ности». Почему менты вдруг заинтересуются им сейчас? Или они могут заметить Димину нервозность? Поди потом объясняйся, что отрубленный женский мизинец ему передали под видом рукописи...

Когда Полуянов добрался до станции «Водный стадион», время приближалось к четырем. Надя уже выходит с работы домой. Но думать о ней сейчас некогда, все мысли — как бы не упустить Савельева. Дима, как вышел из метро, позвонил майору по сотовому. Тот буркнул:

— Ну, сколько тебя можно ждать?!

— Еще три минуты! — заверил Полуянов и бросился ловить машину, чтобы домчаться до УВД.

* * *

Самое главное: точно определить объекты.

Затем вычислить в каждом случае направление основного удара.

И нанести его всем. Если не одновременно — он не может один разорваться на три части, — то в самый короткий временной промежуток.

На столе были разложены фотографии. Сделанные исподтишка мощным телеобъективом, они в точности свидетельствовали, кто для них, для каждого из троих, является болевой точкой.

Потому что самая болевая точка — это любовь.

А любовь — это чувство, которое сложнее всего скрыть.

Особенно когда люди не считают нужным ее скрывать.

* * *

Юля прокричала последний раз и откинулась на спинку коляски. Взъерошила волосы Ваньки и оттолкнула его от своих бедер.

— Молодец, — выдохнула она с прикрытыми глазами. — Какой же ты суперлюбовник!

Она сказала это не только потому, что в ту минуту искренне так думала, но и потому, что он ждал от нее этих слов. Не открывая глаз, она почувствовала, что он расплылся в улыбку. Иван поднялся с колен и нежно поцеловал ее в губы.

— Принеси мне воды, — попросила она. — Пожалуйста.

Ванечка покорно потащился на кухню, а она подъехала на своей коляске к окну. Они не задегивали штор, и когда она открыла глаза, перед ней предстала величественная панорама Поклонной горы и Кутузовского проспекта с сотнями спешащих машин.

Нежно ступая, ее любовник, абсолютно голый — как она любила, — принес ей минералки. Она приняла стакан из его рук и удовлетворенно подумала: «Когда ты сама — личность, тебе ничто не может помешать жить полной жизнью. Ни болезнь, ни инвалидность — ничто. Главное — верить в себя и иметь волю к победе. И еще — цель в жизни. Например, разбогатеть. Продвинуься. Или — отомстить. И если ты *по-настоящему* захочешь, все вокруг будут, словно герои кукольного театра, выполнять *твою* волю».

* * *

Майор Савельев запер по настоянию Полуянова дверь своего кабинета, где размещались еще двое оперуполномоченных, сейчас отсутствующих. Он надел резиновые хирургические перчатки и с каменным лицом взял в руки отрезанный мизинец.

— А ты-то сам его не узнаешь? — спросил майор у журналиста.

— В смысле?!

— Ну, может, он какой твоей знакомой принадлежит. Точнее, принадлежал?

— Ну, знаешь ли, майор, я девчонкам на мизинцы обычно не смотрю.